

Н.М. Стойнова
 Научный сотрудник
 ИРЯ РАН, Москва
 stoynova@yandex.ru

Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория associated motion¹

Резюме

В работе рассматривается тунгусо-маньчжурский показатель движения с целью *-*nA:* ('пойти, чтобы сделать') в контексте типологических данных о категории сопутствующего движения (associated motion). На количественном текстовом материале двух языков, нанайского и удэгейского, показаны некоторые своеобразные черты этого показателя, которые не укладываются в типологические ожидания.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, удэгейский язык, движение с целью, глаголы движения, сопутствующее движение, целевые конструкции, глагольная ориентация, глагольная деривация.

1. Суффикс *-*nA:* в тунгусо-маньчжурских языках в типологическом контексте

В докладе будут рассмотрены некоторые особенности суффикса «движения с целью» *-*nA:* в двух южнотунгусских языках – нанайском и удэгейском, ср. примеры (1) и (2).

- (1) ute ge-*ne-gi-e*
 that take-MPURP-REP-IMP.2SG
 'Пойди возьми его (мясо)!' (удэгейский, тексты [Nikolaeva et al. 2003: 68])
- (2) gə əlbəsi-*ndə-xən*
 so take.a.bath-MPURP-PST
 'И вот он пошел купаться'. (нанайский, тексты 2009–2013)

¹ Исследование выполнено по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-3158.2017.6 «Полевое исследование контактного влияния русского языка на грамматику вымирающих языков РФ: на материале диалектов нанайского и ульчского языков».

Морфологические показатели, модифицирующие значение исходного глагола так, что к нему добавляется компонент перемещения в пространстве ('пошел и сделал', 'пошел делать', 'сделал на ходу', 'сделал и пошел' и под.), представляют собой достаточное экзотическое и не до конца изученное явление. Наиболее распространены и лучше всего описаны подобные показатели в языках Австралии (ср. [Koch 1984; Wilkins 1991; 2006]) и особенно Южной Америки (Амазонии, ср. [Guillaume 2009; 2016]), применительно к которым говорят о категории «сопутствующего движения» (*associated motion*, далее АМ).

Показатели, представленные в тунгусо-маньчжурских языках (и, возможно, шире – в языках Сибири и Дальнего Востока, см. [Волков, Стенин в печати]), заметно от них отличаются. На их материале можно верифицировать и дополнить отдельные предположения, высказывавшиеся о маркерах «сопутствующего движения» и им подобных, а также восполнить лакуны в их типологической классификации. См. также похожее обсуждение в недавней работе [Fuente, Jacques 2016] на материале маньчжурского языка.

2. Показатели associated motion: типологические ожидания

Ниже кратко перечислены отдельные типологические характеристики показателей АМ, интересные в контексте обсуждения соответствующего тунгусо-маньчжурского показателя. См. подробнее о типологии показателей АМ (на материале большой выборки языков Амазонии) работу [Guillaume 2016], а также представленную в ней библиографию.

1) Количество показателей в системе associated motion

Категория АМ часто представлена большими или очень большими инвентарями показателей. Ср. данные из [Guillaume 2016] для выборки языков Южной Америки:

1–2 показателя – 50% (22)

3–5 показателей – 27% (12)

6 и > показателей – 23% (10)

Суффикс *-*nA*: во всех тунгусских языках оказывается единственным такого рода показателем (в маньчжурском – система из трех показателей).

2) Категория associated motion и значения пространственной ориентации

Для категории АМ в языках Южной Америки и Австралии характерно частое, если не повсеместное, совмещение со значениями пространственной ориентации (в особенности дейктическими, но не только). Ср. также показатели вентива ('сюда') / андатива ('туда') в некоторых языках Западной Африки (см., например, [Voisin 2010] о волоф). Они дают чисто пространственное, дейктическое значение в сочетании с глаголами движения и значение *associated motion* (или движения с целью), склеенное с дейктическим, в сочетании с глаголами непространственной семантики.

Суффикс *-*nA*: представляет собой типологически нетривиальный нейтральный показатель, не осложненный дополнительным ориентационным значением. В зависимости от контекста глагол на *-*nA*: интерпретируется как 'пойти / прийти / войти / выйти и под., чтобы V' (однако с разной частотой, см. ниже).

3) Классификация значений associated motion и значение движения с целью

В [Wilkins 1991] предлагается классификация показателей АМ на основании того, как ситуация и сопровождающее ее движение соположены во времени ('пошел и сделал' / 'сделал на ходу' / 'сделал и пошел'). В [Levinson, Wilkins 2006] они выстроены в следующую типологическую иерархию (предложена для языков Австралии, в [Guillaume 2016] верифицируется для языков Южной Америки):

prior motion ('пошел и сделал') > concurrent motion ('сделал идя') > subsequent motion ('сделал и пошел')

Выделенным классом оказывается т.о. класс показателей предшествующего движения (prior motion): в выборке языков Южной Америки он обнаруживается в 88% (38) языков с показателями АМ [Guillaume 2016].

Суффикс *-*nA*: с т.зр. предлагаемой классификации попадает именно в этот класс показателей и т.о. (как единственный показатель, представленный в языке) вписывается в иерархию. Важно, однако, что он реализует скорее узкое целевое значение ('пошел, чтобы сделать'), а не просто указывает на то, что ситуации предшествовало движение ('пошел, а потом сделал') –

хотя подобные употребления также изредка встречаются в текстах и требуют отдельного рассмотрения, см. ниже.

Типологически релевантным т.о. представляется более дробное противопоставление внутри класса *prior motion* или наряду с ним (в указанных работах не проводится). См. трактовку категории *associated motion* в [Rose 2015]: специальные оговорки о значении движения с целью как не входящего в эту категорию.

4) Тяготение показателей *associated motion* к определенным грамматическим контекстам

Имеются типологические наблюдения о тяготении показателей АМ к императивному контексту (см. [Гусев 2013: 67–71]). Отдельный вопрос, в равной ли степени это касается показателей собственно *prior motion* ('пойди и сделай!') и представленных в рассматриваемых языках показателей движения с целью ('пойди делать!'). Императивный контекст, а также футуральный и другие контексты снятой утвердительности интересны также тем, что снимают денотативное различие между первыми и вторыми ('пошел делать' ≠ 'пошел и сделал', но 'пойди делать' ≈ 'пойди и сделай'). В связи с этим интересно рассмотреть соотношение грамматических контекстов именно на материале тунгусо-маньчжурских языков.

Не освещались на широком типологическом материале и требуют отдельного исследования также следующие вопросы.

5) Вопросы об идиоматизации и переносных употреблениях показателей АМ, характерных типах полисемии

Интересно также сравнить модели полисемии, характерные для рассматриваемых морфологических маркеров с путями грамматикализации, характерными а) для сериальных конструкций с глаголами движения и б) целевых конструкций с глаголами движения (типологических данных по которым достаточно много).

б) Вопрос об актантной структуре показателей АМ

Поскольку в семантику глагола с рассматриваемыми показателями входит две ситуации – ситуация, обозначаемая исходным глаголом, и ситуация движения, логически можно ожидать при нем актантов двух типов: как у исходного глагола или как у глагола движения. Тип актантной структуры косвенно свидетельствует о том, как данный показатель представляет семантические отношения между ситуациями. При их

равноправии или выделенности ситуации, обозначаемой исходным глаголом (как это предположительно бывает у прототипических показателей АМ) модель управления, наследуемая от глагола движения, менее ожидаема, чем при семантической выделенности ситуации движения (как это, видимо, бывает в случае показателя с отчетливой целевой семантикой).

7) Особенность тунгусо-маньчжурского *-*nA*: – два морфосинтаксических типа употреблений

Наконец, отдельная необычная черта тунгусо-маньчжурского *-*nA*: состоит в том, что он допускает два синонимичных типа употреблений (с разной частотностью и тяготеющих к разным контекстам), ср. (3):

- а) независимое – при финитном глаголе (букв. ‘делать-идет’);
- б) плеонастическое – при деепричастии в составе конструкции с выраженным финитным глаголом движения (букв. ‘делать-идя пошел’).

- (3) *wa:-nda-xa-ni* = *wa:-nda-mi*
 убивать-MPURP-PST-3SG = убивать-MPURP-CVBSIM.SG
 энэ-хэ-ни
 идти-PST-3SG
 ‘пошел на охоту’ (нан.)

3. Материал и формат исследования

К обсуждению будут представлены сопоставительные данные двух южнотунгусских языков – нанайского и удэгейского (Хабаровский и Приморский край).

Суффикс движения с целью (далее обозначаемый как *-*nA*:² и глоссированный как MPURP) выглядит в них как *-nda* («порода цели», [Аврорин 1961: 59 ff.]) в нанайском и как *-nA* («директив», [Nikolaeva, Tolskaja 2001: 232–233]) в удэгейском.

Исследование проводилось на материале текстовых выборок. Для нанайского (среднеамурский диал.) это: тексты из сборников фольклора [Аврорин 1986: тексты 13–24] (сказки), [Бельды, Булгакова 2013] (сказки, легенды), а также тексты, записанные в 2009–2013 гг. С. Оскольской, К. Шагал и автором (сказки,

² См. о его реконструкции для пратунгусо-маньчжурского [Fuente 2011: 51 ff.].

бытовой нарратив); всего ок. 6,5 тыс. предложений. Для удэгейского это тексты из сборника фольклора [Nikolaeva et al. 2003: тексты 1–15] (сказки), ок. 1 тыс. предложений.

Детальные данные сразу по двум близкородственным языкам в сопоставлении с привлекаемой в качестве фоновой известной информацией по похожим показателям в языках мира должны, как кажется, позволить разделить общетипологические / ареально-генетические / конкретноязыковые черты описываемых показателей.

4. Нанайские и удэгейские данные

4.1. Общая частотность

Текстовый материал дает представление об употребительности показателей, подобных тунгусо-маньчжурскому *-*nA:*. В Таблице 1 приведены данные по частотности показателя в обоих рассматриваемых языках.

Таблица 1

Показатель *-*nA:* в нанайском и удэгейском: частотность в текстах

	всего предложений	всего <i>-*nA:</i>	N употр. на 1 тыс. предл.	точный двуст. тест Фишера
нанайский	6673	168	25	$p < 0.0001$
удэгейский	1048	62	59	

В удэгейском языке он более употребителен, чем в нанайском (различие значимо). На фоне других показателей глагольной деривации, представленных в этих языках, показатель движения с целью обнаруживает среднюю частотность. См. для сравнения аналогичные данные по продуктивному показателю рефактива *-gO* ('опять, обратно'):

удэгейский: 132 употр./ 1 тыс. предл. (138 на 1048 предл.);

нанайский: 260 употр. / 1 тыс. предл. (166 на 639 предл.).

Ср. также данные по продуктивности разных показателей аспектуальной деривации в нанайском языке в [Оскольская 2017].

4.2. Соотношение контекстов с разной дейктической интерпретацией

Выше в качестве нехарактерной для показателей АМ черты тунгусо-маньчжурского суффикса упоминался тот факт, что он

выражает «чистое» значение движения с целью, не склеенное со значениями пространственной ориентации. Ср. примеры (4) с интерпретацией ‘пойти, чтобы сделать’ и (5) с интерпретацией ‘прийти, чтобы сделать’:

(4) ...Keaŋa maŋa əŋ'ua-wə-ni
 Киана старуха котел-ACC-3SG
 gələ-ndə-m' aja
 просить-MPURP-CVBSIM.SG хорошо
 ‘...Пойдемте просить котел у старухи Киана...’ (нан., [Аврорин 1986: текст 16])

(5) gaki, mi: sin-či хури-ndə-хэм-bi
 ворона я ты-DIR играть-MPURP-PST-1SG
 ‘Ворона, я пришла к тебе поиграть!’ (нан., [Аврорин 1986: текст 13]) – персонаж уже находится у вороны.

При этом, тем не менее, есть основания ожидать от *-*nA*: бóльшей склонности к контекстам первого типа, андативным (‘отсюда’), чем к контекстам второго типа, вентивным (‘сюда’).

Следует отметить, что в родственном рассматриваемым письменном маньчжурском языке была представлена более дробная система показателей движения с целью, включающая пространственный, а именно дейктический компонент, (см. [Аврорин 2000: 173 ff.]; [Fuente, Jacques 2016]):

- андатив *-na~-nə* (‘пойти, чтобы V’);
- вентив *-nzi* (‘прийти, чтобы V’);
- андатив-каузатив *-ngi* (‘послать делать V’).

И единственный суффикс движения с целью, имеющийся в нанайском и удэгейском, – когнат маньчжурского андативного (не вентивного!) суффикса.

На синхронном уровне обнаруживается, что, при наличии у этого суффикса употреблений обоих типов, андативные оказываются частотней. Ср. сопоставительные данные по нанайскому и удэгейскому в Таблице 2а (общие данные) и Таблице 2б (данные только по независимым употреблениям, без учета плеонастической конструкции, в которой пространственное значение задается выбором финитного глагола движения, см. п.4.3).

Таблица 2а

Соотношение вентивных ('прийти, чтобы V') и андативных ('пойти, чтобы V'): всего (без учета лексикализованных употр.)

	пойти, чтобы V	прийти, чтобы V	???	% вентивных (от вентивных и андативных)	точный двуст. тест Фишера
нанайский	87	32	17	27%	p=0.0054
удэгейский	53	5	0	9%	

Таблица 2б

Соотношение вентивных ('прийти, чтобы V') и андативных ('пойти, чтобы V'): только в независимом употреблении (без учета лексикализованных употр.)

	пойти, чтобы V	прийти, чтобы V	???	% вентивных	точный двуст. тест Фишера
нанайский	61	24	14	28%	p=0.0029
удэгейский	45	3	0	6%	

И для нанайского языка, и для удэгейского вентивных контекстов меньше, чем андативных. Разницы между плеонастической конструкцией и независимым употреблением по этому параметру не наблюдается.

Для удэгейского языка асимметрия между вентивными и андативными контекстами существенно больше, чем для нанайского. При этом для нанайского языка (но не для удэгейского) наблюдаемую картину можно объяснить большей частотностью андативных контекстов вообще в тексте, а не дейктической окраской самого показателя движения с целью. Подсчет употреблений основного вентивного глагола *ži-* ('приходить') и *ənə-* 'уходить, идти' по той же выборке (тексты 2009–2013) дает 35% вентива, 82 и 150 употр. (т.е. меньше половины, примерно столько же, сколько и для глаголов с показателем движения с целью в нанайском и значительно больше, чем в удэгейском).

Еще одно различие между языками, отраженное в таблицах: если для удэгейского языка все употребления распадаются на многочисленные андативные ('пойти сделать') и редкие вентивные ('прийти сделать'), то в нанайском довольно много примеров с неоднозначной интерпретацией (в таблицах помечено как «???»). Это в т.ч. контексты, описывающие более сложные ситуации перемещения в пространстве ('выйти', 'зайти' и под., как в независимом употреблении, так и в плеонастической конструкции при глаголах движения, отличных от 'прийти' / 'пойти').

Таким образом можно сказать, что показатель движения с целью в удэгейском оказывается ближе к прототипическим показателям АМ, а аналогичный показатель в нанайском – дальше от них. Первый сохраняет связь с пространственной семантикой (дейктической). Второй – по-настоящему нейтрален с этой точки зрения: дает ожидаемую пропорцию вентивных / андативных контекстов, встречается в контекстах, указывающих на самые разные пространственные конфигурации, см. примеры и более подробное описание в [Стойнова 2016] (и там же – о различиях в пространственной интерпретации суффикса движения с целью по разным говорам нанайского языка).

4.3. Плеонастическая конструкция vs. независимое употребление

♣ Плеонастическая конструкция с нефинитной формой, оформленной суффиксом движения с целью, и выраженным глаголом движения: особенность ТМЯ.

(6) Ge omo belie-de uli-we *ga-ŋna:-ni*,
 INTJ one fairy-FOC water-ACC take-MPURP.PST-3SG
ga-ŋna:-m(i) *ŋene:-ni* *ŋä:-la*
 take-MPURP-INF go.PST-3SG river.bank-LOC

'...(и увидела:) волшебница идет к реке набрать воды <независ.>. Она шла к берегу реки <плеонаст.>.' (удэг., [Nikolaeva et. al. 2003: 23 (текст 4)])

Таблица 3

Частота употреблений в плеонастической конструкции vs. в независимых (исключены лексикализованные и переносные употр.)

	независимое	плеонастическая конструкция	% плеонастических конструкций	точный двуст. тест Фишера
нанайский	99	37	27%	незнач., p= 0.1485
удэгейский	48	10	17%	

• Для обоих языков доля употреблений в плеонастической конструкции (предположительно, более новой, см. подробнее [Stoynova 2016]) меньше.

• Разница между языками незначима.

4.4. Употребления с актантом, характерным для ситуации движения

Глаголы на *-*nA*: допускают модель управления, характерную для глагола движения и невозможную для исходного глагола (выражение исходного, конечного пункта движения, маршрута), ср.:

(7) ээ, *sun-č'i polče-nda-mi*

старшая.сестра вы-DIR

греться-MPURP-CVBSIM.SG

aja=ni

хорошо=Q

‘Старшая сестра, можно к вам войти погреться?’ (нан., [Аврорин 1986: текст 18])

Употребления с аргументами, свойственными глаголам движения, находятся и в нанайском, и в удэгейском языке. В обоих немногочисленны, ср. Таблицу 4. Для удэгейского, на первый взгляд, такие употребления совсем маргинальны (всего 2 примера на всю выборку), однако это требует дополнительного исследования (для имеющихся данных различие между нанайским и удэгейским статистически незначимо).

Таблица 4

Выражение при глаголах на *-*nA*: участников ситуации движения (только для независимых употреблений)

	с моделью управления глагола движения	без модели управления глагола движения	% с моделью управления глагола движения	точный двуст. тест Фишера
нанайский	14	85	16%	незнач., p=0.0559
удэгейский	2	50	4%	

В Таблицу 4 для упрощения картины не включены данные по синтаксису плеонастической конструкции, в которой соответствующий актанта может относиться к выраженному глаголу движения / деепричастию / всей конструкции / не иметь однозначной интерпретации. Более подробно об этих возможностях на материале нанайского языка см. в [Стойнова 2016].

От прототипических показателей АМ, для которых семантически центральным является ситуация, обозначаемая исходным глаголом, а компонент движения вторичен, модели управления, характерной для глагола движения, на первый взгляд, скорее не ожидается. В этом смысле описываемый показатель движения с целью снова отклоняется от канона в обоих языках (возможно, в нанайском более, чем в удэгейском).

4.5. Предшествующее движение или движение с целью?

Выше показатель *-*nA*: назван показателем движения с целью, однако действительно ли он выражает именно значение типа ‘пошел чтобы сделать’, а не ‘пошел и сделал’ (предшествующее движение) или оба этих значения?

На логическом уровне различия между предшествующим движением и движением с целью касаются:

а) семантически центрального компонента: это обозначаемая исходным глаголом ситуация V для значения предшествующего движения (ср. неслучайный термин «сопутствующее движение») и ситуация движения для значения движения с целью;

б) истинностного статуса ситуации V: истина предшествующего движения (*‘пошел и сделал, но не сделал’);

не определен для движения с целью (^{OK} «пошел делать, но не сделал»)

Для обоих языков находятся «бесспорные» употребления - *nA: в значении движения с целью: лексически (напр., с продолжением *но не...*) или грамматически заданный (напр., наст.вр.) контекст реального движения + ирреальной цели.

- (8) simbi-ə хаж bələci-ndə-xəm-bi-ə
ты-ACC это помогать-MPURP-PST-1SG-ACC
un-ži
сказать-PRS

‘{Тетя, ты зачем приехала?} – Я приехала тебе помочь, говорит’ (нан., тексты 2009–2013) – т. е. ‘уже приехала, но еще не помогла’

Однако находятся и единичные примеры, для которых ситуацию V естественнее интерпретировать как реализованную (и тогда можно говорить о выражении значения предшествующего движения):

- (9) palan-dola sisox sisox sisox golžon žuliə-či-ə-ni
пол-LOC sisox sisox sisox очаг перед-DIR-OBL-3SG
tə-ndə-gu-xə-ni
сестра-MPURP-REP-PST-3SG

‘По полу идет... шаркая, и села перед печкой’ (нан., [Бельды, Булгакова 2013: текст16])

При этом для многих примеров сложно или объективно невозможно провести границу между этими двумя значениями, ср., например, (1). Прежде всего это касается контекстов снятой утвердительности (см., например, [Падучева 2015]), в которых истинностный статус оказывается одинаковым (неопределенным) для ситуации движения, и ситуации V, причем в данном случае непонятно, откуда этот статус у ситуации V – из целевой семантики, если это движение с целью (*иди есть!*), или из внешнего контекста снятой утвердительности, если это значение предшествующего движения (*иди поешь!*). См. далее о таких контекстах.

4.6. Распределение по грамматическим формам

Ниже приводятся данные по частотности глаголов на *-*nA*: в разных грамматических формах, Таблица 5а. Отдельно подсчитана сумма употреблений по формам, задающим контекст снятой утвердительности: формы императива и гортатива, будущее время, конъюнктив. Их частота интересна в контексте того, что в этих формах стирается разница между значениями движения с целью и предшествующего движения (см. выше). Отдельно рассмотрены формы императива, для которых есть типологическое ожидание об особой предрасположенности к ним показателей АМ. В той же таблице для сравнения приводятся данные по общей частоте соответствующих форм для той же выборки (для нанайского языка: предположительно данные по удэгейскому не должны сильно отличаться). В Таблице 5б приведены также данные по двум русским синтаксическим конструкциям с глаголами движения – конструкции движения с целью с бессоюзным целевым инфинитивом (*сходил сделать*, в таблице «инф.») и сериальной конструкции со значением предшествующего движения (*сходил сделал*, в таблице «SVC»). Эти данные позволяют оценить, к какому из семантических типов показателей примыкает тунгусо-маньчжурский *-*nA*: по частотному распределению грамматических форм.

Таблица 5а

Распределение по грамматическим формам: нанайский и удэгейский

	СУ	имп (в т.ч. горт.)	прочее	общий % СУ ³	общий % императива	точный двуст. тест Фишера
нанайский	48 (35%)	18 (13%)	88	33%	23%	незнач., p=0.2586, 0.3789
удэгейский	26 (45%)	11 (19%)	32			

³ Подсчеты из [Оскольская 2017] по текстам 2009–2013 гг.

Таблица 5б

Сопоставительные данные русского языка (НКРЯ): конструкции с глаголом *сходить* – *сходил сделал* и *сходил сделать*

	прош.вр.	СУ (имп.+фут.+сослагат.)	имп.
инф.	31 (36%)	54 (64%)	12 (14%)
SVC	14 (11%)	118 (89%)	64 (48%)

Заметной разницы между нанайским и удэгейским языками по этому параметру не обнаруживается. Доля употреблений в грамматических формах, задающих контекст снятой утвердительности:

1) значительно не отличается от средней по тем же текстам;

2) ниже, чем ожидалось бы для показателя АМ (ср. данные по русскому *сходил сделал*), но при этом и ниже, чем для русской целевой конструкции (*сходил сделать*).

Доля употреблений в императиве:

1) не выше, а даже ниже средней по тем же текстам;

2) значительно ниже, чем ожидалось бы для показателя АМ; примерно совпадает с ожидаемой от целевой конструкции (ср. данные русского языка).

Таким образом, для показателя *-*nA*: не подтверждается ни типологическое ожидание о частотности императивных форм, ни возможное ожидание о частотности форм, задающих контекст снятой утвердительности (снимающих противопоставление между значениями движения с целью и предшествующего движения). По распределению грамматических форм *-*nA*: оказывается ближе к целевым показателям, чем к показателям АМ.

4.6. Лексикализация, переносные употребления

Очень кратко охарактеризуем степень склонности показателя *-*nA*: к лексикализации и развитие у него переносных употреблений. Лексикализованные и переносные употребления в текстах составляют ок. 6% для удэгейского, 10% для нанайского.

Для нанайского в этот процент входят преимущественно лексикализованные употребления отдельных глаголов (подробнее о них см. в [Stoynova 2016]). Для удэгейского – скорее переносные употребления: это употребления а) в контекстах, где

пространственный компонент выветривается ('=V'), а также в инхоативных контекстах ('begin to V'). Для не рассмотренного в работе джуенского говора нанайского языка характерным оказывается переносное проспективное употребление ('вот-вот V').

В языках мира грамматикализация в инхоатив и проспектив / будущее время:

- неизвестно, насколько характерна для морфологических маркеров AM;

- вполне характерна для целевых конструкций с глаголами движения (см., например, [Heine, Kuteva 2002]; [Майсак 2005]).

5. Заключение

Обобщая сопоставление поведения показателя движения с целью *-*nA*: в нанайском и удэгейском языках, можно сказать, что:

- а) этот показатель в обоих южнотунгусских языках ведет себя в целом похожим образом;

- б) однако отдельные (в основном частотные) расхождения по рассмотренным выше параметрам все же наблюдаются;

- в) удэгейский показатель оказывается по этим параметрам чуть ближе к «каноническим» показателям *associated motion*, чем нанайский.

Если же сравнивать южнотунгусский суффикс движения с целью с прототипическими показателями категории *associated motion*, представленными в языках Австралии и Южной Америки, то можно отметить следующее.

Наиболее принципиальные различия состоят в том, что:

- такого рода показатель в языке единственный;

- он не склеен со значением пространственной ориентации;

- он выражает именно значение движения с целью, а не значение типа 'пошел и сделал, сделал пойдя' (*prior motion*);

- в связи с этим он способен наследовать модель управления, характерную для глаголов движения;

- характерный набор грамматических контекстов и моделей полисемии у этого показателя такой же, как у целевой конструкции с глаголом движения (но не такой, как у серийной конструкции с глаголом движения).

При этом по тем же самым параметрам наблюдается все же и некоторое сходство:

- возможность употребления в контекстах «реализованной цели»;

- не полная дейктическая нейтральность: выделенность андативных контекстов («туда»).

Таким образом, анализ представленных данных дает основания выделять значение движения с целью в качестве отдельного типологически релевантного значения, способного в т.ч. к морфологическому выражению. Приходится, однако, говорить о недостаточном «грамматическом потенциале» значения движения с целью: даже, казалось бы, «чистые» морфологические показатели движения с целью, такие как рассмотренный нами *-*nA:*, видимо, неслучайно распространяются и на контексты *prior motion* категории АМ и сближаются с ними по части свойств.

Литература

Аврорин В.А. 1961. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Аврорин В. А. 1986. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука.

Аврорин В.А. 2000. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука.

Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. 2012. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien // SEC Publications.

Волков О.С., Стенин И.В. печати. А. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Сборник статей к 80-летию А. П. Володина.

Гусев В.Ю. 2013. Типология императива. М.: Языки славянских культур.

Майсак Т.А. 2005. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур.

Оскольская С.А. 2017. Аспект в нанайском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Стойнова Н.М. 2016. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания, 4. С. 86–111.

Fuente A. 2011. Tense, voice and Aktionsart in Tungusic. Another case of “analysis to synthesis”? Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Fuente A., Jacques G. 2016. Associated motion in Manchu in typological perspective. Manuscript.

Guillaume A. 2009. Les suffixes verbaux de « mouvement associé » en cavineña // *Faits de Langues*, 1. P. 181–204.

Guillaume A. 2016. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // *Linguistic Typology* 20(1).

Heine B., Kuteva T. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Koch H. 1984. The category of “associated motion” in Kaytej. *Languages in Central Australia*. Vol. 1. P. 23–34.

Levinson S., Wilkins D. 2006. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description // Levinson S., Wilkins D. (Eds.) *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 512–552.

Nikolaeva I., E. Perekhval'skaya and M. Tolskaya. 2003. *Udeghe texts*. Osaka: ELPR.

Rose F. 2015. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations. *Folia Linguistica*, 49(1). P. 117–158.

Stoynova N. 2016. The evolution of the marker of motion-cum-purpose in Nanai: A case of cyclical change? // 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Naples, 31 August – 3 September 2016, University of Naples Federico II, Naples, Italy).

Voisin, Sylvie. 2010. Les morphèmes -i et -si en wolof // *Sciences Et Techniques Du Langage* 7. P. 23–34.

Wilkins D. 1991. The Semantics, Pragmatics and Diachronic Development of ‘Associated Motion’ in Mparntwe Arrernte // *Buffalo Papers in Linguistics*, 1. P. 207–57.

Wilkins D. 2006. Towards an Arrernte grammar of space. *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Levinson S., Wilkins D. (Eds.) Cambridge: Cambridge Univ. Press. P. 24–62.

Сокращения

ACC – аккумулятив; AM – associated motion (сопутствующее движение); CVBSIM – одновременное деепричастие; DIR – директив; FOC – фокус; IMP – императив; INF – инфинитив; INTJ – междометие; LOC – локатив; MPURP – движение с целью; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; REP – рефактив; SG – единственное число.

Natalia Stoynova

Research fellow

Russian Language Institute RAS, Moscow

stoynova@yandex.ru

Motion-cum-purpose markers in the Southern Tungusic languages and the typology of associated motion

Summary

The paper deals with the suffix of motion-cum-purpose *-*nA:* ('go to V') in Tungusic languages. The text-data on its uses in two Southern Tungusic languages, Nanai and Udihe, is analyzed in detail and compared to crosslinguistic data on a more general category of associated motion. The features of this marker that do not follow typological expectations are described.

Keywords: Tungusic languages, Nanai, Udihe, verbal derivation, motion-cum-purpose, purpose constructions, associated motion, motion verbs, spatial verb markers.

References

Avrorin V.A. 1961. Grammatika nanajского jazyka [The grammar of Nanai]. V. II. M.–L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Avrorin V. A. 1986. Materialy po nanajскому jazyku i fol'kloru [Working data on the Nanai language and folklore]. L.: Nauka.

Avrorin V.A. 2000. Grammatika man'chzhursкого pis'mennogo jazyka. [Written Manchu Grammar]. SPb.: Nauka.

Bel'dy R. A., Bulgakova T. D. 2012. Nanajskie skazki [Nanai tales]. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien // SEC Publications.

Volkov O.S., Stenin I.V pechati. A. Andativ i ventiv v jazykah Sibiri: k tipologii glagol'noj orientacii [Andative and ventive in Siberian languages: to the typology of verbal orientation] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvистических issledovanij RAN. Sbornik statej k 80-letiju A. P. Volodina.

Gusev V.Ju. 2013. Tipologija imperativa. [The typology of Imperative]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur.

Majsak T.A. 2005. Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii [The grammaticalization of

motion- and position-verbs: a crosslinguistic study]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur.

Oskol'skaja S.A. 2017. Aspekt v nanajskom jazyke. [Aspect in Nanai] Diss...kand. filol. nauk. SPb.: ILI RAN.

Ctojnova N.M. 2016. Pokazateli «dvizhenija s cel'ju» i sobytijnaja struktura: suffiks -nda v nanajskom jazyke [Motion-cum-purpose markers and event-structure: the suffix -nda in Nanai] // Voprosy jazykoznanija, 4. P. 86–111.